

«СТРАШНЫЙ ВОПРОС» В ПУБЛИЦИСТИКЕ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В. В. Тулупов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 апреля 2024 г.

Аннотация: в статье рассматривается организационная, редакторская и публицистическая деятельность российских писателей во время голода 1891–1893 гг.

Ключевые слова: публицистика, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, А. С. Суворин, «Новое время», сборник «В помощь голодающим».

Abstract: the article examines the organizational, editorial and journalistic activities of Russian writers during the famine of 1891–1893.

Keywords: journalism, L. N. Tolstoy, A. P. Chekhov, A. S. Suvorin, «New Time», collection «To help the hungry».

По свидетельству очевидцев, голод в дореволюционной России 1891–1893 гг. был исключительным по масштабам бедствия, охватившим почти половину губерний страны: «Лето шло без дождей, посевы сохли, горели леса и торфяники, погибал скот. В государственно-общественной системе продовольственной помощи, существовавшей на случай подобных кризисов, практически не оказалось запасов зерна. А местные власти вели борьбу не с голодом, а с самими голодающими. Земские начальники делали все, чтобы тревожные сообщения с мест не попали в печать и не вызвали панику» [1].

Одним из первых, кто привлек внимание общественности и властей к этой проблеме, был дворянин, помещик, земской деятель Данковского уезда Рязанской области И. И. Раевский¹. Искренне переживающий несправедливость социального неравенства, он «подключил к собиранию средств для голодающих земство и состоятельных помещиков. Открыл в Бегичевке, где у него усадьба, шесть бесплатных столовых, убедил владельца соседнего села последовать его примеру <...> Скоро он понял — полумерами народу не поможешь и начал ставить столовые в каждой деревне губернии. Однако оставался — где взять деньги? Нужны средства на продукты, на их перевозку, на оплату работников. Тут-то он и вспомнил про своего друга Льва Толстого. Понял, участие писателя с мировым именем может привлечь к делу богатейших людей страны» [2, 213].

¹ В. П. Буренин говорил А. С. Суворину: «В “Новое время”, дня за два до вашего возвращения из Феодосии, пришел Алексей Митрофанович Новиков, учитель детей Раевского. Жаловался, дескать, всюду пишут о Толстом, Короленко, Успенском, других деятелях, дескать, они забили тревогу о голоде в России и помогают голодающим, а про Раевского ни слова» [2, 213–214].

И только за первый месяц их сотрудничества было открыто 30 столовых, в которых питались до полутора тысяч человек.

Но Толстой понимал, что это все же действительно полумеры и что причина голода не в неурожае, а во всей системе несправедливого эксплуататорского строя. Побывав осенью 1891 г. в деревнях нескольких уездов Тульской и Рязанской губерний, писатель по возвращении взялся за статью «О голоде». Отмечая усилия, в частности администрации и земства Тульской губернии, Толстой, поставивший перед обществом «страшный вопрос», делал вывод о том, что повсюду идет энергичная деятельность с целью предотвратить ожидаемое бедствие: «Ассигнуют, распределяют суммы на выдачу пособий, на общественные работы, делают распоряжения о выдаче топлива. В пострадавших губерниях собираются продовольственные комитеты, экстренные губернские и уездные собрания, придумываются средства приобретения продовольствия, собираются сведения о состоянии крестьян: через земских начальников — для администрации, через земских деятелей — для земства, обсуживаются и изыскиваются средства помощи. Роздана рожь для обсеменения, принимаются меры для сохранения семян овса на весну и, главное, для продовольствия в продолжение зимы» [3].

Размышляя о проблеме справедливого или несправедливого распределения пособий, писатель заключает: «И выхода из этого ложного круга действительно нет и не может быть, потому что дело, за которое взялись администрация и земство — дело невозможное. Ведь дело это состоит ни больше ни меньше как в том, чтобы прокормить народ. Мы, господа, взялись за то, чтобы прокормить кормильца, — того, кто сам кормил и кормит нас.

Грудной ребенок хочет кормить свою кормилицу; паразит то растение, которым он питается! Мы,

высшие классы, живущие все *им*, не могущие ступить шагу без *него*, мы *его* будем кормить! В самой этой затее есть что-то удивительно странное». И далее: «Народ голодает, и мы, высшие классы, очень озабочены этим и хотим помочь этому. И для этого мы заседаем, собираем комитеты, собираем деньги, покупаем хлеб и распределяем его народу.

Да отчего он и голоден? Неужели так трудно понять это? Неужели нужно или клеветать на него, как бессовестно делают одни, говоря, что народ беден оттого, что он ленив и пьяница; или обманывать самого себя, как делают другие, говоря, что народ беден только оттого, что мы не успели еще передать ему всей мудрости нашей культуры, а что мы вот с завтрашнего дня начнем, не утаивая ничего, передавать ему всю эту нашу мудрость, и тогда уж он перестанет быть беден; и потому нам нечего стыдиться того, что мы теперь живем на его шее, — все это для его блага?

Нам, русским, это должно быть особенно понятно. Могут не видеть этого промышленные, торговые народы, кормящиеся колониями, как англичане. Благосостояние богатых классов таких народов не находится в прямой зависимости от положения их рабочих. Но наша связь с народом так непосредственна, так очевидно то, что наше богатство обусловливается его бедностью, или его бедность нашим богатством, что нам нельзя не видеть, отчего он беден и голоден. А зная, отчего он голоден, нам очень легко найти средство насытить его.

Средство одно: не объедать его» [3].

Как сам писатель признался в одном из писем, он начинал писать о голоде, а вышло «о нашем грехе разделения с братьями» [4, 137].

А. П. Чехов также не остался в стороне, начав собирать пожертвования, объявив подписку в пользу голодающих среди друзей и знакомых, организуя публикации в «Русских ведомостях» и «Новом времени». При этом власти запрещали проявление какой-либо частной инициативы: «...люди с весом ездили к Дурново просить разрешения, и Дурново отказал, объявив, что организация помощи может принадлежать только епархиальному ведомству и Красному Кресту. Одним словом, частная инициатива была подрезана в самом начале. Все повесили носы, пали духом; кто озлился, а кто просто омыл руки» [5].

А. С. Суворин, узнавший, что А. П. Чехов стал одним из создателей писательского сборника «В помощь голодающим», обратился к нему с письмом: «Антон Павлович, не можете ли Вы предложить редакции “Русских ведомостей”, желающей издавать “Сборник” в пользу голодающих, такую комбинацию, которую объясню примером. Вы, например, пишете рассказ для этого “Сборника”, но предварительно печатаете его в “Новом Времени”, где будет сказано в примечании, что рассказ этот предназначен для такого-то “Сборника”; Вы получаете за него

двойную построчную плату, т.е. 50 коп. за строку, а корректуру рассказа вместе с гонораром за него редакция “Нового Времени” отсылает в редакцию “Русских ведомостей”. Мне кажется, эта комбинация сделала бы “Сборник” общелитературным делом и, конечно, увеличила бы сбор тысячи на две, на три. Предварительное напечатание рассказа — скажу по долговременному опыту — не помешало бы его интересу, когда он появился бы вместе с другими вещами в “Сборнике”. Естественно, что эта предлагаемая мною комбинация тогда только имела бы смысл, если б и другие редакции согласились бы на нее. Ваш А. Суворин» [2, 215].

Сборник поддержали Л. Н. Толстой, Г. И. Успенский, В. Г. Короленко, А. Н. Плещеев, Н. К. Михайловский, Н. Н. Златовратский. Чехов же, одобвивший идею Суворина, еще написал издателю Русских ведомостей В. М. Соболевскому, что желательно, «чтобы в “Сборнике в пользу голодающих” приняли участие не одни только сотрудники газет и журналов, но также и редакции, которые располагают гораздо большими средствами, чем их сотрудники» [2, 215]. Сам А. С. Суворин, также участвовавший в выпуске «Сборника», вносил средства в фонд голодающих и публиковал в своей газете соответствующие статьи.

В феврале 1892 г. Суворин и Чехов посетили Воронеж, Бобров, побывали и на родине Алексея Сергеевича — в селе Коршево, где на средства земляка были открыты столовые для голодающих. 21 февраля в «Новом времени» в публикации «Маленькое письмо» А. С. Суворин представил отчет об этой поездке.

Вот несколько характерных фрагментов из этой корреспонденции: «Январские морозы погубили множество скота, лошадей и коров; голодные, они не выдерживали стужи и замерзали; некоторые спасали свою скотину, втаскивая ее в избы. Я еще застал в Воронежской губернии свежие рассказы о тех опустошениях и отчаянии населения, которые произвели жестокие январские морозы, явившиеся на помощь голоду. Голод тоже сделал свое дело, и гораздо грознее, погубив массу лошадей, иногда даже дорогих, в 100–200 рублей за штуку, что в этой губернии не редкость. Эти драмы около скота были гораздо трогательнее тех драм, которые мы слушаем на сцене, проливая дешевые слезы...»

«...Еще в августе некоторые предусмотрительные люди предлагали для Воронежской губернии отправку лошадей на Кавказ, что и возможно было и удобно; но предложение это осталось безрезультатным; затем за него опять схватились месяца два спустя, но уже было поздно...»

«...Такой гибели лошадей, как в нынешнем году, никогда не было; крестьяне, помнящие голодовку 1840 года, говорят, что тогда не уродилось зерна, но была солома и, кроме того, особенно много уродилось лебеды, которою и питался скот. В нынешнем же году ни соломы, ни лебеды, ни сена. У го-

сударственного Хреновского завода 2400 десятин собственной степи, и на всем этом громадном пространстве постановлено всего 30 стогов сена — так ничтожен был урожай трав...»

«...Воронежский губернатор, Е. А. Куровский, принял очень хорошую меру для сохранения лошадей, но при недостатке денежных средств в ограниченных размерах. Он купил две или три сотни лошадей и отдал их хорошим крестьянам, лишившимся лошадей и вызванным им в Воронеж из уездов. Крестьяне эти кормятся в столовых, и лошади их получают корм и работу; работа эта высчитывается и идет на погашение стоимости лошади. В марте крестьянин отпускается с этою лошадию, которая делается его собственностью; что он на ней заработал, то вычитается из цены, за которую она куплена, остальное записывается за ним как долг, который он обязан впоследствии уплатить. Вслед за этим было предложено крестьянам, имеющим лошадей, являться в Воронеж, и им обещан был корм и работа. И на этот призыв явились крестьяне, и эти меры помогли перевозке земского хлеба...»

В публицистике писатели, более свободные в выражении своих мыслей и чувств, следуют завету А. С. Пушкина, сказавшего: «Ты царь: живи один. До-

рогою свободной / Иди, куда влечет тебя свободный ум, / Усовершенствуя плоды любимых дум, / Не требуя наград за подвиг благородный. / Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд...» И в этом смысле известная формула «Беллетрист ставит диагноз, а публицист выписывает рецепт» была и остается одним из принципов создания журналистских или художественных произведений — примеры из публицистики классиков отечественной литературы тому яркое свидетельство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пашина О. Лошадиное дело. Как А. П. Чехов помогал голодающим в Нижегородской губернии и что из этого вышло / О. Пашина. — Режим доступа: <https://rusfond.ru/society/301> (дата обращения: 01.04.2024).
2. Васильев В. В Петербург, к Суворину / В. Васильев. — СПб, 2023.
3. Толстой Л. Н. О голоде / Л. Н. Толстой. — Режим доступа: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/publicistika/o-golode.htm> (дата обращения: 01.04.2024).
4. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 66. Письма. 1891 (июль — декабрь) / Л. Н. Толстой. — М., 1953.
5. Чехов А. П. Письмо Егорову Е. П., 11 декабря 1891 г. / А. П. Чехов // Полн. собр. соч., т. 12. — М., 1983.

Воронежский государственный университет

*Тулупов В. В., доктор филологических наук, профессор
факультета журналистики Воронежского государственного университета*

E-mail: vlvtul@mail.ru

Voronezh State University

Tulupov V. V., Doctor of Philology, Professor of the Journalism Faculty

E-mail: vlvtul@mail.ru